

Анна Елизарова

МОСТРАЛ:

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ СОРЕНАР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Елизарова

Мострал. Место действия Соренар

«Автор»

2026

Елизарова А.

Мострал. Место действия Соренар / А. Елизарова — «Автор»,
2026

Путь хранителя традиции Ареады сложен и тернист. Богиня требует от нас многих жертв, хотя взамен дает немалую власть. Пережить ученичество, стать хранителем, а затем и мастером было не просто, но даже во снах в самом начале своего пути я не могла предположить, что в конце окажусь здесь...

© Елизарова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Учение	6
Глава 1. Ступени с нулевой по вторую	7
Глава 2. Ступени с третьей по седьмую	15
Глава 3. Ступени шестая и седьмая	24
Глава 4. Восьмая ступень	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Елизарова

Мострал. Место действия Соренар

Пролог

В божьем чертоге, Ареада, наконец, с трудом успевая в последние минуты решающей ночи, выбрала себе избранного. Того, кто исполнит предначертанное ею. И как раз сейчас, в настоящий момент, она наделяла своего посланника способностью общаться с плоскостью Грани, призывать оттуда души и задавать им вопросы.

Пока что даже не ясно, кого именно родит женщина, да и родит ли вообще: ее беременность началась только несколько дней назад, но богиня знала, что только такая как она способна выносить избранного из целого поколения. Если ребенок не родится, ждать Ареаде еще пятьдесят пять лет, бессильно глядя на увядание ее традиции.

– Ну ты там закончила? – к богине грубо ввалился Ценат.

Ареада вздрогнула и упустила на мгновение из виду нить, протянувшуюся между ней и будущим избранным. Этого мига хватило для того, чтобы благодать божеская с излишком пролилась на не рождённого младенца.

– Твою мать. – ошарашенно глядя в зеркало душ, пролепетала богиня.

Часть 1. Учение

– Бабушка!

По мощеной тропинке главного королевского дворца Урая споро пробежала девочка лет семи.

Королева-мать состроила хмурое выражение лица, которое положено особам вроде нее при виде шkodничающих детей, но в глазах горели веселые искры, которые положены любящим бабушкам.

– Ты обещала рассказать про девочку! – внучка проехала на коленях по траве и так и осталась сидеть перед родственницей.

Серые глаза, будто пеплом припорошенные волосы, полные губы на лице-сердечке, мраморная кожа – девочка была так похожа на саму королеву-мать в детстве, что становилось немного не по себе.

С трудом удалось старой женщине подавить тяжелый вздох. Внучка растет, и одна и та же часть истории на разные лады ей уже не подходит. Она хочет знать всю историю, но чем дальше продвигалась сквозь нее рассказчица, тем сложнее становилась делать из жизни сказку.

Когда-нибудь внучка вырастет, и женщина передаст ей свои дневники, хотя в их кругу это не очень принято. И тогда она сама осознает, почему эта сказка была такой страшной и увлекательной.

А пока маленькой принцессе рассказывают облагороженную и облегченную версию, читателю можно одним глазком подсмотреть в дневники королевы-матери. Узнать настоящую. Неприукрашенную.

Глава 1. Ступени с нулевой по вторую

Мне было восемь, когда в нашу деревню пришел некромант. Он сказал, что его традиция ищет учеников и хотел получить в учение трех девочек.

Чего ждать от жителей глухой деревеньки на севере Соренара? Конечно, все дворы в тот же день собрались и выбрали трех девочек подходящего возраста. Я, моя подружка Велька и еще одна нелюдимая девочка Галька, были выбраны в учение некроманту.

Нам сказали, что мы можем взять с собой перемену одежды, две – белья и один предмет, который вызывал у нас приятные воспоминания о доме. Ни еда, ни оружие пришло некроманта не интересовали.

Он увел нас из дворов в новом рассвете, когда деревня только просыпалась. Высокий, худощавый и сутулый, он меня пугал. В первые полгода я даже лицо его описать не смогла бы, ведь видела в основном его спину впереди, неизменно обряженную в серый пиджак, белую рубаху и черные брюки строго по фигуре.

Поначалу мы были скорее прислужницами, чем ученицами. В походе обслуживали господина, готовили ему ночевку, стирали одежду. Дичь он добывал и свеживал сам, костер собирал и разводил тоже, мы же собирали грибы и травы, ягоды, бегали за водой для похлебок, а однажды Велька облазила все деревья вокруг стоянки и натащила яиц к завтраку.

– Я в каждом по два яйца оставила, чтобы птиц не вывести. – с гордостью пропищала девчонка.

Некромант, которому нас отдали, был немногословен, а когда говорил – почти всегда был довольно резок. Одобрения или осуждения, наших действий он ни разу не выразил.

По ходу путешествия лес с преимущественно хвойного сменился на лиственный. Мне было не по себе, девчонкам – тоже, но мы просто шли за не особо широкой спиной некроманта. А куда деваться? Время для побега давно закончилось: в незнакомом лесу девочке проще сгнуться, чем вернуться домой. К тому же, нам всем и родители, и староста, и наш храмовник наказали во всем слушать учителя и ни за что его не гневить.

Мама моя так вообще пол ночи причитала, мол, в люди выбьешься, уважаемой магией станешь. Какой магией? Во мне магии, дадут боги, полы в доме помыть, Велька так вообще только на светляков с вестниками способна. Правда, говаривали, что Галька – некромантка, да такая, что большинство из них от зависти удавятся. Но та же Галька всегда была в себе, видела какие-то картинки, избегала других и предпочитала общество книг и самой себя.

К исходу четвертого месяца пути, когда мы все привыкли к походному порядку, всей компанией вышли к забору. Вот только что был лес, а вдруг раз, и забор. Высокий, намного выше некроманта, деревянный и на вид очень крепкий, к которому подступал в самую притирочку лес. Немного пройдя вдоль, мы вышли к таким же монументальным, как и сам забор, воротам. На вид – монолитным, но некромант пару раз постучал по воротам и проявились створки с желтой отделкой.

– Вы пройдете через проход по одной. – сообщил он нам и это была самая длинная фраза, какую мы за все месяцы от него слышали. – После этого начнется ваше учение.

Мы все в нерешительности замерли. Я смотрела на желтый узор на дверце, а видела будто ворота во время. Будто пройду туда и дедушку увижу. А дедушку я очень любила и когда в прошлом году он в лесу сгинул, чуть сама за ним на грань не отправилась. Решилась первой: подошла к створкам и толкнула их, едва тронула. Обе распахнулись, изношенную юбку дернул ветер, а я все смотрела в открывшийся взору двор, дедушку высматривала.

Наваждение прошло само и будто за секунду. Двор стал обычным, совсем не таинственным, и я шагнула внутрь. Ничего необычного не произошло – двор и двор. Курица особо наглая из птичника вылезла, смотрела своими бусинами на меня как на невиданную зверушку.

Пока я осматривалась, девочки и учитель тоже прошли внутрь. Товарки были такими же удивленными, как и я, но виду старались не подавать.

Некромант молча прошел в большой каменный дом, мы, понятно, за ним. Поднялись по крылечку, вошли внутрь, и замерли. Таких больших комнат, еще и отделанных камнем, с лестницей, ведущей наверх, никто из нас не видел. Дом, где мы с родителями и тремя сестрами жили весь бы в эту комнату влез, только без сарая и утника.

Некромант уже начал подниматься по лестнице, но, будто вспомнив о нас, остановился и обернулся.

– Теперь вы – мои ученицы. Вас ждут тяготы и сложности, готовьтесь. – сухо обронил.

И ушел.

– Утешил, так утешил. – нерешительно пролепетала Велька.

– Не глупи, деточка, идем – комнаты покажу. – раздалось сбоку от лестницы.

Нам показалась сухая, как вяленный лещ, женщина в чепце и переднике. Одета она была в серое платье грубой ткани, закрывающее обувь – старомодное, как сестры говорили. Строгий взгляд заставил нас поторопиться за ней направо, туда, где скрылась в неприметном проходе женщина.

Коридорами, нас привели к дверям комнаты, дверь в которую распахнули без каких-либо эмоций. Пропустили в помещение, но не дав толком осмотреться, отвлекли:

– Не устраивайтесь, вы здесь только на сегодняшнюю ночь. – сообщила бесцветно женщина. – Купальня дальше по коридору и направо. Приведите себя в порядок, переоденьтесь и выходите к главной лестнице. Господин будет ожидать вас на обед через час.

Развернулась и ушла, оставив дверь открытой.

Мы сразу и не сговариваясь покидали вещи на кровати: Галька к окну поближе, я в середине, а Велька – к двери. Подхватили платья и пошли в купальню. Там нас ждал огромный каменный бассейн, исходящий паром. Мы с Велькой зависли: дома пока натащишь горячей воды в бадью, она остынет. Я умела подогревать воду, но не до пара. А вот Галька, не проявляя удивления, разделась и первой полезла в воду. Мы поспешили последовать за ней, стремясь почувствовать первую в жизни действительно горячую воду.

Когда мы в серых платьях и босиком пришлепали к лестнице, нас отчитали, опоздали, мол. Платья были жутко кусачими, из грубой шерсти, так что чесались мы как блошные, но ни слова не сказали о неудобствах. Страшно.

Женщина дала знак следовать за ней и повела нас в неизведанную левую часть дома. Долго мы не плутали – скоро вышли в просторный зал, куда все наше хозяйство поместится, да еще пол дома Вельки влезет. Мы с ней интуитивно прижались поближе, но проследовали к стульям с высокой спинкой.

Во главе стола нас ожидал некромант, мрачно глядя перед собой. Пока рассаживались неловко проскрипели тяжелыми стульями и стоило установиться тишине:

– Вы опоздали. – веско бросил в воздух он, как только мы расселись.

– Кемма! – рявкнул он и приборы на столе звякнули.

Звякнули, потому что мы все подскочили, дернув на месте стол. В ответ на вопль противоположная от входа дверь распахнулась, впуская тележку и уже знакомую женщину следом за ней. Пока тележка катилась к столу, я заметила количество приборов. Никогда так много вилок и питейных на столе не видела, а тут на одну единственную персону – меня. Лучше всего с обеда я запомнила, что у меня чесалось бедро. Попа, в смысле. Сильно. Очень.

На стол попала большая супница, в которой плескалась зеленая жижа. Жижу разлили нам по тарелкам.

– Приятного аппетита, господин. – поклонилась женщина и ушла из комнаты.

Господин, меж тем, попробовал жижу и зажмурился. Мой папаня так жмурился, когда мамин суп со свиной пробовал. Очень он тот суп уважал. Когда первый голод господина был утолен, он поднял глаза на нас.

– Мое имя – Алаис. Вы можете называть меня учитель. С завтрашнего утра вы – мои ученицы и вам я передам традицию, которую несусь. – сообщил он.

Тем временем, Кемма вкатила тележку заново. Супницу и супные тарелки (из четырех три – были не тронуты) убрала. На стол поставила толченую картошку, квашеную капусту и кроличью тушку, запеченную до корочки. Женщина сама положила куски всем в тарелки и снова удалилась.

– Сегодня вы в шерстяных платьях. – не тронув еду проговорил некромант. – Ваши успехи в учебе я буду отмечать, в том числе, посредством платьев: материл будет таким, какими буду ваши успехи. Все то время, пока я не занимаю вас, вы в распоряжении Кеммы, моей экономки.

После такой длительной речи от некроманта мы все замерли как зайцы. Сам он продолжил свою трапезу. Мой желудок выдал меня с головой своим «пением», так что поспешила присоединиться к учителю. Девочки последовали моему примеру.

После окончания обеда, а на десерт нас не пригласили, мы пришли в комнату. Котомки наши лежали, где были.

– Грязно как. – с удивлением отметила Галька.

Я сосредоточилась, напряглась и собрала всю пыль в комнате в один большой ком. Его, в свою очередь, поспешила завернуть в старую юбку, чтобы потом выкинуть.

– Эвона ты без сожалений расстаешься с вещами. – прокомментировала Велька.

– А чего терять? – пожала плечами я. – Родичи наши не сожалели, и я не стану.

Комок в горле пришлось сглотнуть, но голос не дрогнул. Этот миг я запомнила надолго.

– Назовите мне ваши имена. – потребовал за завтраком из жидкой овсянки с маслом и медом учитель. – В учении вы можете отречься от мирских имен и избрать себе новые.

– Велька я. – после паузы отозвалась подружка.

– Велія. – поправил учитель, неприязненно глядя на нее. – Велькой не может называться последовательницы традиции.

– Так мамка ж Велькой назвала. – уверенно возразила девочка.

Учитель поморщился и зло глянул на нее. Мне почудили красные потусторонние глаза, а в комнате будто похолодало.

– Не смей мне перечить, Велія. – почти прошипел он.

Велька уже набрала воздуха в грудь, чтобы еще что-то сказать, но учитель шевельнул пальцем и приготовленные слова превратились в крик боли. Девочка выгнулась на стуле и почти сразу обмякла, мы с Галькой даже дернуться не успели. Лицо Алаиса на краткий миг стало удовлетворенным, и я не была уверена, что мне не почудилось. Интерес к Вельке учитель потерял, переведя свои жутки глаза на Гальку.

– Я бы хотела сохранить мое мирское имя: Галара, учитель. – тихо прошелестела Галька.

Велька тяжело дышала, глядя в тарелку, но все равно подняла глаза на товарку, удивленная ее именем. Мы все ее звали Галькой, даже не задумывались от том, что ее могут звать иначе.

Тот кивнул, принимая к сведению и перевел взгляд на меня.

Внезапно для самой себя я поняла, что не боюсь учителя. Я понимала, что он опасен, понимала, что размажет меня по стене и не вспомнит, но все равно не боялась.

– Я хочу избавиться от старого имени, если можно. – пропищала.

– И как назовешься? – уточнил с непроницаемым лицом он.

– Можно мне подождать с выбором имени немного? – нерешительно спросила я. Ничего путного в голову не шло. Вот совершенно.

– Сообщишь, когда определишься. – кивнул, не меняясь в лице учитель, и поднялся из-за стола. – У вас десять минут, чтобы закончить трапезу.

Как только дверь закрылась, я метнулась к Вельке.

– Ты как, Велька? – взяла ее за руку и заглянула в глаза.

– Велия. – поправила она и как-то неуверенно улыбнулась.

– Было очень больно? – спросила я, возвращаясь на место.

Перемены в шебутной подружке напугали.

– Страшно. – снова поправила она и окончательно уткнулась в тарелку.

Стоило мне съесть последнюю ложку каши и допить последний глоток отвара, учитель вернулся. Жестом велел следовать за ним и не оглядываясь пошел куда-то вперед по коридору.

Я ломанулась за ним первая, девочки старались не отставать. Мы пришли в комнату, где было три небольших деревянных стола со стульями, один большой стол и новомодная меловая доска: такую совсем недавно в нашей школе повесили, нам сестра Велькина рассказывала.

На маленьких столах лежало по книжке и за ними нам и велели усесться. Большой стол был завален свитками и книгами, хаотично разбросанными перьями для письма и угольными обломками для черчения.

– Ваше учение будет делиться на ступени. – сообщил учитель, замерев около стола. – Пока что вы, можно сказать, послужницы. Ученицы нулевой ступени должны уметь читать и писать, а также быть ловкими. Именно этому вы и будете обучаться.

– Учитель, позвольте? – подала голос Галька, тот молча поднял бровь. – А кем мы будем, когда закончим учение?

– Не время. – коротко отрезал он и вышел. Галька только склонила голову.

Я не успела толком удивиться, как перед нами сгустился воздух и появилась женщина. Полупрозрачная, очень красивая – мы таких в жизни не видели.

– Доброго дня, девушки. – пропела она. – Может звать меня леди Олла.

Полгода мы учились читать и писать под чутким присмотром леди Оллы; бегали прыгали и подтягивались, под контролем учителя и следили за домом в распоряжении Кеммы.

Как и обещала экономка, нас расселили по разным комнатам и запретили навещать друг друга. В комнатах была узкая кровать с мягкой периной, небольшой стол, маленькая книжная полка и стул. Нашу одежду у нас забрали, оставили только те памятные предметы, что мы взяли с собой. К тому же нам предоставили полотенца, гребни и ленты для волос, личные куски душистого мыла и даже небольшие книжечки для записей. Свою я, правда, ни разу не использовала.

Мы привыкли к принятым девочками тут именам, хотя я свое пока так и не выбрала. Поэтому и учитель, и Кемма, и девочки общались ко мне «ученица». Меня это устраивало и о выборе нового имени я перестала думать.

Нам с Галарой исполнилось по девять лет, Велия должна была догнать нас сразу после излома года, который стремительно приближался.

Только во время совместных работ по дому мы и могли перекинуться хоть парой слов – пока не видит экономка. Если с Велией мы дома иногда на речку бегали и по ягоды всегда в одном кагале с остальными шли, то с Галарой никто из нас близок не был. Несмотря на то, что девочки давали ощущение близости дома, я не тянулась к ним за общением. Скорее к учителю – тот изредка звал меня, чтобы я посмотрела, как он общается с такими, как леди Олла.

Далеко не все из них были такими же равнодушными, как наша учительница, многие грозились забрать с собой учителя, а другие – меня. Но Алаис только усмехался на это. Часто

он говорил с ними на незнакомых языках, изредка поясняя мне некоторые слова. По какой логике он такие слова выбирал мне непонятно до сих пор, но по крайней мере, мне учитель уделял немного своего внимания.

Галару он практически не замечал, а Велию часто наказывал. Впрочем, некромантке тоже досталась пара наказаний: одно, когда она переложила бумаги и книги на его столе в учебной комнате, другое – когда привела в дом мертвеца и просила его оставить. Велия же постоянно нарушала запреты и приказы, регулярно проверяла возможности для пакостей и непослушания. Я же сразу поняла правила: не перечь и слушайся, тогда шкура будет целая, и ни одного наказания так и не получила.

Наказание у учителя было одно: боль, пронизывающая все тело, и безотчетный ужас. Велия однажды рассказала. И сказала, что с каждым разом только хуже.

Несмотря на сложности совместного проживания, все мы в той или иной мере смогли овладеть чтением и письмом, подтянули свое тело до приемлемого, по словам учителя, состояния. Галара лучше читала и писала, ведь умела еще до того, как нас забрали, а Велия стала еще более ловкой, чем раньше. Я была где-то по середине: писала-читала со средней скоростью, зато чисто; бегала-прыгала быстро, но иногда падала, за что получала недовольный взгляд учителя.

Накануне произошло странное. В конце урока леди Олла проговорила:

– Прощайте, девушки. – и растворилась в воздухе.

Мы удивились, но не стали ничего предпринимать: просто разошлись по домашним делам.

А утром я нашла на спинке стула грубо выделанное полотняное серое платье, скорее рубище – в подобных нищие на ступенях часовни в молебный день подаяния просили.

Конечно, уже привычные бесформенные шерстяные мешки, в которых мы ходили все это время смотрелись не лучше, а кожа моя была красной постоянно, но я уже научилась игнорировать зуд и боль от стертой кожи. Спала я без одежды.

Новое платье я сразу надела. Оно, как и прошлое, было длиной по середину икры, имело тонкий пояс из такого же материала, но было несколько менее раздражающим, чем шерстяное.

– Теперь вы – ученицы первой ступени. – сообщил нам за завтраком учитель и я заметила, что и девчонки в обновках.

Все месяцы проживания здесь он неизменно с нами завтракал. Его могло не быть на обеде и ужине, но завтрак с нами он никогда не пропускал. Частенько отпускал обидные комментарии к нашим успехам, крайне редко отмечал наши достижения, но все-таки чаще молчал.

– Вы продолжите учиться владеть собственным телом и начнете постигать традицию. Новый учитель уже ждет вас в учебной комнате. – он поднялся от пустой тарелки с кукурузной кашей. – На окончание завтрака у вас пять минут.

Мы все уже знали режим, в котором жил этот дом и понимали, когда леди Олла ждет нас в классе, так что поспешили доесть и отправиться в учебную. Бегать по дому нас отучила Велия, поймавшая пару наказаний за это.

В учебной нас действительно ждал мужчина, похожий на леди Оллу – полупрозрачный, с безразличным выражением лица и красивый на вид. Я так и не смогла разобрать черты лица леди Оллы – красивая и все, вот и этот господин такой же – красивый, а чем? Кто его знает.

Когда мы расселись нас обвели мрачным взглядом, Велия даже поежилась.

– Можете называть меня лорд Шо. – хриплым голосом сообщил он.

Весь следующий год был занят изучением традиции. Лорд Шо разрешил нам задавать вопросы с пятого урока, но отвечал совсем не на все и, главное, так и не ответил на вопрос, кем же мы будем, когда закончим учиться.

Прошлой весной Галара, а в середине лета и я – получили вторые ступени. Теперь наши платья были хлопковыми. Только через два месяца в этом платье моя кожа перестала быть пугающе красной.

Велия до сих пор ни разу не смогла правильно ответить на три вопроса учителя. А мы с Галарой получили новые ступени только после того, как три дня подряд правильно отвечали на вопросы за завтраком.

Лорд Шо рассказывал нам о великом Золотом пути. Пути, по которому двигаются души непрерывно, выбирая для себя новые и новые миры, отдавая часть своей энергии миру и получая немного взамен.

И каждое умершее существо, обладающее разумом, имеет и душу, а значит, после смерти должно отправиться на грань, а оттуда и дальше – на Путь.

Когда умер мой дедушка, мама рассказала, что он отправился на грань, где Ладонор будет с ним беседовать. А на самом деле, как рассказал лорд Шо, Ладонор беседует с душой только до тех пор, пока она не вспомнит о Золотом пути и не отправится дальше.

С нами начал заниматься учитель лично – он рассказывал о том, в каких случаях душа может не уйти на грань. Объяснял разницу между разными существами – призраками, как наши учителя, духами, личами, эманациями, хаунтами и другими.

Мы с Галарой жадно всасывали информацию, задавали вопросы, пытались построить нашу картину мира, а вот Велия предпочитала наши занятия по развитию ловкости, где достигла значительно больших, чем мы с Галарой, успехов.

После получения второй ступени Кемма разрешила Галаре и мне помогать ей на кухне. Даже учила нас азам готовки, мол, чтобы в случае чего могли о себе позаботиться.

Нам рассказали о том, что у Ладонора на земле имеются свои посланники – проводничие. Они помогали душам перешагнуть свои беды, чтобы отправиться на грань. Объяснили, что те души, которые сбежали от проводничих, сознательно или нет, остаются в нашем материальном мире и мы видим их теми или иными проявлениями. И да, магия создала некромантов, которые способны развеять такие души и взаимодействовать с такой специфичное энергией, как энергия смерти, оставив их энергию в нашем мире, но, чтобы сохранить баланс энергии, Ареада основала традицию, хранители которых помогали душам, когда насильно, а когда по их доброй воле, все же отправиться на грань, чтобы продолжить движение.

«Душа не может не двигаться.» – повторяли нам сотни раз. «Если душа перестает двигаться, она начинает разрушаться». – вбивали в наши головы тысячами повторений. Эти две истины ставили во главу угла любого рассуждения.

– Галара и ученица сегодня идут со мной. – сообщил за завтраком учитель. – Будьте готовы через пятнадцать минут.

Сам он ушел через пять, еще через пять доели мы и, бросив извиняющийся взгляд на Велию, которая глотала слезы над тарелкой с кашей, побежали обуваться и перевязывать волосы лентами в косы.

К нам главной лестнице, которая так поразила меня в первый день пребывания в доме, выплыл лорд Шо.

– Матер Алаис. – позвал учителя он. – Я прошу вас взять ученицу первой ступени Велию с собой.

Мы с Галарой переглянулись.

– Тебя не спросил. – учитель махнул рукой и призрака развеяло по воздуху.

Учитель стремительно вышел, а мы побежали за ним, поплотнее запахнувшись в накидки, которые нам выдала Кемма.

Задавать вопросы и просить друг за друга нас тоже быстро отучили. Кемма однажды сказала, что нам не стоит злить господина Алаиса до такой степени, чтобы он решил по-настоящему нас наказать. Велия поверила – не стоит.

Мы же вышли за ворота и двинулись по дороге в лес. Я точно помнила, что почти два года назад, когда мы пришли сюда, никакой дороги тут не было.

Когда мы отошли на довольно приличное расстояние, учитель вдруг открыл переход для нас. Никогда настоящих взаправдашных переходов не видела! На той стороне виднелось поселение с каменными домами. У нас только у старосты каменный дом был, да и то не весь – только первый этаж, а спальни на втором этаже все равно деревом делал.

Учитель без раздумий шагнул в рамку, а мы медлили. Наконец, я нашла рукой руку Галары и мы потянули друг друга вперед. Короткая вспышка и вот мы уже в городке.

Все так же молча, учитель отправился куда-то по дороге, чтобы в итоге прийти к небольшому домику за низким забором.

Пока шли невольно озирались по сторонам: так много людей и такие большие дома нам раньше не встречались. Но стоило нам увидеть, что учитель ждет нас у калитки в низком заборчике, поторопились его догнать.

Недовольный взгляд обещал скорое наказание, которое, впрочем, не последовало немедленно.

Мы прошли по дорожке к домику – маленькому и аккуратному, с розоватыми стенами снаружи и красной крышей. Внутри было чисто и темно, только из одной комнаты пробивалась полоска света, туда учитель и направился, мы – за ним.

В уютной комнате нашлись довольно широкая застеленная кровать, комод, ковер и кресло. Стены, как и во всем доме, были завешаны тканью, окна закрыты плотными занавесками.

– Вы пришли, мастер. – обрадовалась немолодая женщина с печальным лицом. Учитель ей только кивнул. – Прежде, чем вы исполните мою волю... – она поднялась. – У меня не осталось родни, наверное, потому я и вспомнила Путь. – из комода она достала толстую пачку документов. – Я хочу завещать дом вашей ученице. Вы не против?

– Которой? – уточнил равнодушно он.

Женщина подошла ко мне.

– Как твое имя, деточка? – мягко спросила она.

– Я пока не знаю, мадам. – тихо ответила ей.

– Когда появится – впиши его в документы и дом будет твоим. – она улыбнулась и внутри меня шелохнулось давно забытое чувство, которое одним словом-то не опишешь. Ощущение, что тебя любят.

– А если она умрет? – по-прежнему скучающе переспросил учитель.

– Тогда вам. – твердо кивнула женщина и вернулась в кресло.

– Вы уверены в выбранном способе? – впервые за этот странный день проявил заинтересованность в происходящем. – Будет... – он сделал паузу, будто подбирал слова, – неприятно. Вам не за что себя наказывать.

Женщина лишь решительно помотала головой, а потом кивнула, что учитель воспринял как согласие на выбранный способ.

Он подошел в ней, заглянул в глаза, после обошел кресло и встал к ней за спину. Смотрел он куда-то поверх нас, будто бы даже сердито. А потом все произошло за секунду: блеснул кинжал, прошелся одним движением по горлу женщины и кровь хлынула на ее одежду. И снова на лице женщины появилась, а теперь и застыла, улыбка, такая же как та, что она подарила мне всего минуту назад.

Галара дернулась к учителю, раззявила рот в беззвучном крике, предпринимая безнадежную попытку остановить его. Я оцепенела – не могла даже пошевелить пальцем, но видела, что женщина уже мертва. Ее душа уже отправилась на грань, а может даже сразу же на Путь: учитель мне как-то рассказывал, что и такое бывает, когда душа вспомнила о нем еще будучи в теле.

Время замедлилось на несколько мгновений, как намеренно – чтобы я успела все осознать. Учитель говорил, что его часто приглашают такие разумные, как эта женщина – те, кто добровольно хочет расстаться с жизнью. Он никогда не говорил, чем именно он им помогает, но теперь показал нам наглядно. И это может значить только одно: наши родители добровольно отдали нас в учение хранителю очень древней традиции. Традиции убийц. Самых дорогих, самых неуловимых и самых принципиальных. Благословленных Ладонором и его прислужниками.

Стоило мне до конца понять это, время восстановило привычную скорость своего течения. Учитель потратил еще миг своего времени на что-то за нашими спинами, но вскоре обратил свое внимание на Галару, которая едва успела сделать к ним с женщиной шаг, когда закричала от боли уже вслух.

– Не смей перечить. – холодно бросил он, когда девочка мешком повалилась на пол. Потом перевел взгляд на меня. – Разведи огонь в камине.

Я, не до конца понимая, что делаю, метнулась к дыре в стене, где был пепел, кинула туда пару поленьев и принялась чиркать спичкой. Руки сломала дрожь и поджечь лучину никак не получалось. Скоро это, видимо, надоело Алаису, и он подошел ко мне.

Всем своим существом я ощущала его фигуру за моей спиной. Его присутствие давило, казалось, пытаюсь полностью подчинить меня, но я все еще его не боялась.

– Я знаю. – он накрыл мои руки своими и в мой мир ворвалась неестественная тишина, пугающая своей вязкостью, только всхлипы Галары ее нарушали. – Ты хороша в учении, когда я был на твоей ступени – тоже был хорош. – он забрал спичку и сам поджег лучину, от нее поленья.

Выпрямился, отошел, потом вернулся и бросил в огонь какой-то порошок. Темный дым от горящего дерева окрасился в белый.

Тело женщины учитель поднял мановением руки и вынес на улицу, коротко скомандовав следовать за ним. На заднем дворе он расположил окровавленное тело и щелчком пальцев объял его белым пламенем, которое за несколько минут оставило лишь черный след на земле.

Стремительно развернувшись, мы двинулись обратно – через дом на улицу. Только сейчас я заметила, что на самом деле день едва успел разгореться, мимо шли люди, которые даже не подозревали, что только что произошло в доме. Ярко светило солнце, мужчины и женщины шагали по своим делам. Некоторые обращали внимание на белый дым из трубы покинутого нами дома и все, кто замечал – кланялись дому.

Я будто застыла внутри, все силилась понять, куда же попала, на время этого процесса отключив все остальные чувства и мысли.

Примерно на том же месте, где мы вышли из перехода, учитель открыл новый куда мы все вошли без пререканий и проблем.

Глава 2. Ступени с третьей по седьмую

Уже почти у ворот дома, когда дойти оставалось всего несколько десятков метров, Галара не выдержала. Сначала она остановилась, а потом завопила так громко, что птицы взметнулись с деревьев:

– Убийца!

Сегодня мне кажется, что в этот вопль она вложила весь страх, боль и ужас последних лет, последней каплей которых стал сегодняшний день.

Учитель замер, а я обернулась. Полными ненависти глазами Галара смотрела на учителя

– Как маменька отдала меня вам?! – тихо проговорила она

Я слышала шелест одежды – учитель тоже обернулся.

– За два полновесных кошелька золотом. – равнодушно ответил ей учитель.

– Не может быть! – выкрикнула после долгой паузы девочка. Алаис смотрел на нее как на насекомое, причем оказавшееся более мерзким, чем он исходно ожидал.

Едва слышно скрипнули ворота – выглянул кто-то из домочадцев.

– Ты врешь! – Галара заливалась слезами, ее крупно трясло.

Учитель даже отвечать не стал, только наказал ее. Крик был пронзительным, громким и я друг поняла: никто не придет. Чтобы он с нами не делал. Никто сюда не придет, хотя бы потому что на многие километры вокруг никого нет.

– Ты врешь. – с ненавистью прохрипела Галара, впервые справившись с наказанием до того, как ее отпустили. – Я должна была быть некромантом, единственным на семь деревень. Маменька не могла меня продать! – девочка сплюнула кровь на землю и выпрямилась. – Меня не могли продать в учение убийце. – четко и громко проговорила она. – Я – некромант!

– Некромант? – не без интереса в голосе утонил учитель, на что получил кивок, полный ранее не наблюдавшегося достоинства. – Да не вопрос.

Я не поняла тогда, что он сделал, но вокруг вдруг похолодало – даже мое дыхание стало парком. Целую секунду ничего не происходило, я обернулась на учителя и успела увидеть предвкушение и даже удовлетворение на его лице, а потом снова послышался крик Галары.

На этот раз ее не наказывал учитель. Было ощущение, что ее терзают невидимые звери, рвут на части, заставляют кричать еще громче, на потеху себе.

– Пощадите! – взвизгнула Велия за нашими спинами и с топотом побежала к Галаре.

Учитель наказал ее едва ученица на корпус ушла вперед нас. Сильнее, чем обычно – Велия рухнула на землю сразу. И тут я, наконец, отмерла.

– Хватит! – не своим голосом рявкнула я и сделала шаг вперед.

Меня должны были наказать. Я точно знаю: учитель быстро научил нас смирению и послушанию. Но вместо этого, мир вокруг стал серым. Вокруг метались духи, в некоторых еще можно было распознать бывших людей. Галара виделась как золотистый сгусток и многие сущности пролетали сквозь нее, отрывая кусок от этого сгустка.

А совсем рядом стоял высокий и худой как жердь человек. Его лицо было будто не долепленное: на месте глаз небольшие провалы в коже, на месте носа – небольшой бугор, а на месте рта, словно заросшие кожей губы. Приглядевшись, я поняла, что его тело скрывает черный стелящийся дым. Место, где должно быть лицо, было направлено на меня, хотя агрессии в нем я не увидела – будто почувствовала.

– Помоги! – попросила я.

Он в ответ лишь развел руками. Еще миг – и мир снова стал цветным, духов я больше не видела, но они были, ведь Галара продолжала дергаться и кричать. Она рухнула на колени, а меня захлестнуло отчаяньем. Темное марево на месте, где я видела «человека», осталось.

Я повернулась к учителю, тот уже не смотрел на девочек – только на меня.

– Хватит! – повторила не крик – требование, я.

Один удар сердца и наступила тишина. Велия стонала лежа там, где упала, но я метнулась к Галаре. Ее жизнь утекала из тела, срочно надо что-то сделать или она присоединится к духам.

– Ученица... – начал учитель, но я прервала.

– Как дать ей уйти? – спросила дрожащим голосом учителя.

– Она ведь – некромант, а не убийца. – бесцветно проговорил учитель.

– Дайте ее душе уйти на Путь! – взвизгнула я.

В ответ он махнул рукой. Галара замерла куклой. Я коснулась ее: будто замороженная.

– Если за неделю не найдешь способ дать ей дорогу на Путь, она останется здесь. – бросил учитель и ушел.

Я осела в пыль дороги рядом с Галарой и почувствовала, что по щекам катятся слезы. Не знаю, сколько просидела – в себя пришла только когда Велия на четвереньках подползла ко мне.

– Почему тебя не наказал? – прохрипела девочка.

– Не знаю. – голос все еще дрожал.

На следующее утро меня ждало серое льняное платье. Очень дорогое для моей семьи – у моей мамы такое было только то, в котором она за отца замуж шла, с той лишь разницей, что покрашенное в белый. Я перешла на четвертую ступень.

После завтрака я пришла в учебную комнату, но учитель Шо сказал, что ученицам четвертой ступени делать на его уроках нечего. Кемма сказала, что в учебное время надо учиться и я, оказавшись предоставленной сама себе, отправилась в комнату Галары, где мы оставили ее замершее во времени тело.

Марево того «человека» висело рядом с ней.

– Как тебе помочь? – тихо спросила я, но ответа, конечно, не получила.

Всю неделю учитель не обращал на меня внимания. Он ждал, что я отпущу душу на Путь, наверное. Кемма учила меня готовить, все учебное время я проводила около Галары, но так и не смогла ничего сделать, как не умоляла марево о помощи или пыталась вернуться тот серый мир без красок.

Утром восьмого дня учитель пришел ко мне до завтрака и велел следовать за ним. Он привел меня в запретную для нас часть дома и открыл дверь крошечной темной комнаты. Даже руки мне было не расставить.

Команда мне была не нужна – отец часто запирал меня в чулане в наказание, и я молча прошла в комнатку. Дверь закрылась, а я съехала спиной по стене и заплакала. Плакать громко было боязно, так что я, как могла тихо, всхлипывала и размазывала слезы по щекам.

Я не могла принять то, что не помогла Галаре. Должна была! И не смогла.

Сколько времени я просидела в темноте – не знаю. Вымотанная плачем и терзаниями я уснула, а проснулась от вопля мне в лицо. Дух вопил голосом Галары и в этом однотонном крике мне слышались обвинения.

Это было очень страшно, казалось, вот-вот сердце замрет. Когда мы начали кричать вдвоем, я не заметила, но я точно кричала не так равномерно, как дух.

Выпустили меня только через четыре дня. Об этом мне сказала Кемма, когда осматривала меня на предмет дополнительных повреждений по указу учителя.

Всё это бесконечно долгое время, дух вопил.

Когда я вышла из чулана, на меня обрушились звуки мира. Я поняла, что вопли стали привычным сопровождением: звук шагов Кеммы, бормотание Велии, шебуршание дворового пса – я воспринимала отдельно от вопля.

– Ты не нашла способа помочь Галаре. – проговорил учитель.

Он пришел в мою комнату, стило мне прикрыть за собой дверь. Я смотрела на него спокойно, как мне казалось. В основном потому что, я не винила его. И, по-прежнему, не боялась. Он поставил условие, которое я не выполнила. Сейчас, будучи взрослой, это осознание было первым взрослым, что я поняла: я не могу всего. Как было с Галарой.

– У всякого решения есть последствия, ученица. – веско бросил. – Последствия твоего – вопящий дух.

– Учитель... – начала было я просьбу о помощи.

– Мне не интересно. – отрезал Алаис. – Ты должна изучить эти книги. – он сгрузил стопку на тумбу. – Если к концу луны не закончишь, вернешься в чулан.

Я яростно закивала головой, но учитель этого не увидел. Он вышел сразу же, снова оставляя меня с Галарой наедине. Она вопила, а я, шепотом, умоляла ее перестать. Хотя бы на минуту.

Следующие месяцы я изучала книжки, а Велия занималась с духом.

Из книжек я понимала примерно ничего, но упорно продиралась сквозь текст, пыталась сопоставить понятия, а когда вообще не понимала, зазубривала текст.

Галара мешала поначалу, но скоро я научилась не обращать на нее внимания: вопит и вопит.

Через неделю после того, как меня вернули в спальню, учитель за завтраком разрешил задавать ему по одному вопросу в день, если я смогу его найти не во время завтрака.

Благодаря этому я изучила дом очень хорошо, разыскивая учителя, и получила первое свое наказание. Когда я впервые нашла учителя в его же спальне, где застала его с голым торсом (что только подтвердило внешнее впечатление – тощий скелет), я забросала его вопросами. Он сощурил глаза и меня пронзило это ощущение. Это была боль, но не телесная, а как ивовым прутом душу отхлестали. И, Велия права, очень страшно. Страшно, что это чувство с тобой навсегда. Эта гамма чувств подкреплялась воплями духа, которые заметно усилились в процессе.

– Выбери вопрос. – зло усмехнулся учитель.

Когда только лег снег, учитель вывел нас на утренние занятия, как обычно, но в этот раз не отдал команды бежать, когда мы встали рядом.

– Пришла пора доказать, что вы готовы к пятой ступени. – улыбнулся он.

Это была самая обычная улыбка: открытая и приятная. Так улыбался мне старший брат соседки.

Прямо перед нами возникли смутно знакомые мальчишки, похожие на соседей из родной деревни.

– Убейте их. – уже без тени улыбки приказал учитель.

Мы опешили. И я, и Велия не представляли, что делать. То есть, нам рассказывали о технике немного, но о том, что придется иметь дело со знакомыми лицами во время учения, конечно, никто и словом не обмолвился.

– Чего ждете? – недобро сощурился учитель.

Дух завопил с какой-то новой интонацией и это позволило мне выйти из оцепенения. В последние дни она перестала статично висеть на одном месте, регулярно теперь меняя угол, под которым доносила мне свои страдания.

Перехватила низкопробный, как сказал учитель, когда выдавал, стилет, поудобнее и сделала шаг вперед. Иллюзорный сосед будто только меня и ждал: лицо его исказила гримаса и он кинулся ко мне с голыми руками. Все произошло быстро, я даже толком не поняла. Показалось, что он сам нарвался на стилет, наваливаясь на меня вполне ощутимым весом. Пару раз дернулся и замер, застывшим взглядом прожигая меня.

После трусливого шага назад, тело завалилось на землю вниз лицом и начало истаявать, а вот его кровь, залившая мне руки и весь стилет, осталась.

– Плохая работа, ученица. – он повелительно махнул в воздухе рукой. – Еще раз.

На траве стоял еще один мальчишка, точно такой же, как и предыдущий.

Я даже толком не успела испугаться или разозлиться, наступило какое-то отупение. Снова попыталась перехватить стилет, но он начал выскользывать из руки, а мальчишка уже бежал на меня.

Повалил своим весом на землю, окончательно разорвав мой контакт с оружием. Отупение никуда не делось, а вот дух завопила еще громче, чем до этого.

Прижала ладони крепче к его спине и нагрела их, как для сушки одежды и подогрева воды. Иллюзия дернулась и стала менее плотной, так что я сумела его скинуть, схватить валяющийся рядом стилет и всадить его в основание черепа противника так глубоко, что острый кончик лезвия вышел под челюстью.

Помогая себе ногой, освободила оружие от тела, которое повалилось на землю, как и в прошлый раз лицом вниз и истаял

– Плохо, ученица. – равнодушно бросил учитель. – Еще раз.

Он уже начал свой замах, но я влезла:

– Учитель, прошу дозволения смыть я клинка кровь.

Тот хмыкнул, но повел рукой иначе и кровь медленно истаяла и с рук, и со стилета.

Новый противник ничем от предыдущих не отличался, но я уже знала, чего от него ожидать. Поднырнула под локоть несущегося мальчика, резко развернулась и уже аккуратным несильным уколом лишила его жизни.

– Ступай к Кемме, ученица. – бросил мне учитель, даже не отвлекаясь от схватки Велии, которую та явно проигрывала. – Плохо, Велія.

Я отправилась, куда послали, на ходу пытаюсь понять, как я отношусь к этой новой части ученичества.

– Ты была хороша, ученица. – похвалила равнодушно Кемма. – Алаис в учении справился со второй попытки.

– Благодарю. – опустила глаза в пол я.

Следующие два с половиной года были заполнены убийствами и обучением.

Нас с Велией учили этикету, самым стандартным танцам, читать на других языках, вести переписку, вести хозяйство, географии, ориентированию и выживанию, ораторскому искусству, анатомии, драться и убивать, устраивать засады, делать ловушки, бесшумно проникать в дом.

Велія добралась до пятой ступени недавно, я все никак не могла получить шестую. Во вкус к убийствам моя товарка вошла быстро – учитель часто ее хвалил; я же бою предпочитала один быстрый и точный удар.

За это время мы в некоторой мере овладели стилетами и метательными ножами. Мечи и луки нам в руки не давали: «Вы же женщины», зато ножи предлагались к освоению не только кухонные.

И кто-то сказал бы, что такой объем знаний в головы малолетних девочек не затолкаешь. Ну, во-первых, когда заняться больше нечем, в наши головы можно было и больше затолкать. Во-вторых, в прошлом году к нам приставили по персональному духу-наставнику, которые могли круглосуточно вещать. Мне повезло: моя леди Хилоа умела рассказывать интересно и увлекательно, даже самые страшные и жуткие вещи, так что я частенько выходила к завтраку после бессонных ночей, полных разнообразных историй. А вот дух-наставник Велии, имя которого было мне неизвестно, обладал на редкость занудной манерой речи, что жутко бесило Велию.

– Через двадцать минут будьте готовы. – бросил в конце завтрака учитель. – Отправитесь со мной.

Когда мы, закончили завтрак и привели себя в «достойный юной леди» вид, поторопились к воротам – учитель уже стоял в открытых золотых створках. Рядом с ним колебалась тень проводнического. Раньше ее не было.

Велия проводнических не видела, учитель видел, но только при непосредственном контакте. Он говорил, что в каждом поколении хранителей традиции обязательно есть не менее пяти таких как я. И предупреждал, что, когда я успешно ступлю на путь хранения традиции, я всегда должна следить за тем, сколько таких прозорливых рядом со мной. Если три, значит традиция близка к вымиранию и следует разойтись и найти себе учеников. Он вообще в последние месяцы стал много рассказывать об этом – хранении.

При этом если обо мне он уверенно говорил «когда» я ступлю, то о Велии всегда и неизменно – «если».

С той памятной ночи ни я, ни Велия, территории дома не покидали, хотя сам учитель регулярно отлучался. Когда он возвращался с продуктами, мы считали, что он не «работал», а когда с пустыми руками...

Хотя, стоит признать, что к таким вещам относишься намного проще, когда десятки раз за день убиваешь разными методами знакомых и не знакомых людей и других разумных. Со временем даже забылось, что это иллюзии – настолько реальными они у учителя выходили.

Пройдя тот же, что и в прошлый раз, отрезок пути, учитель открыл рамку перехода и первым вошел в нее.

За прошедшие годы у нас прочно отбили все желание задавать вопросы или перечить. Если нам чего-то не сказали, значит так надо. Да и близости между друг другом мы не ощущали, как было поначалу. Несколько дней подряд видеться только во время завтрака, остальной день занимаясь с наставниками, стало нормой.

Мы вышли из перехода на широкой дороге, по которой двигались некоторое время.

Темное марево проводнического не давало покоя ровно до того момента, как я не поняла, куда нас привел Алаис.

Мы были в родной деревне на севере страны. Теперь, когда я была хорошо знакома с географией, много лучше понимала насколько же глухи места, откуда мы с Велией родом. Полноценного названия у нашей деревни не было. Вот в пяти часах пути на телеге была деревня Школьная, потому что там была наша школа, куда ходили со всех окрестных деревень, при ней даже постоянная имелась, для тех, кто слишком далеко жил, чтобы каждый день приезжать. Из нашей деревни в Школьную каждый день ходила телега, отвозившая туда детей и забиравшая их обратно.

Галара, кажется, тоже узнала место, потому что примерно одновременно со входом в деревню стала нарезать вокруг меня круги и орать еще громче, чем обычно. Она все еще была вопящим духом. Учитель запретил наставникам помогать мне от нее избавиться, зато разре-

шил брать по одной книге в неделю из его личной библиотеки, чтобы я могла найти решение. Пока что я нашла только как показать ее другим разумным и способ заткнуть на пару часов, но это всегда предполагало еще более громкие вопли, когда действие короткого простого ритуала закончится. Поморщилась от звука, но ничего делать не стала. Пусть посмотрит, раз так хочет.

Анализируя ее поведение, я поняла, что она вполне себе имеет сознание. Галара реагировала на внешние раздражители, меняла тональность воплей, если хотела внимания или что-то показать, часто пыталась оторваться от меня, будто указывая направление. Проводничих она боялась, как и учителя, так что при их появлении рядом держалась с противоположной стороны, прячась за меня. Иногда мне даже казалось, что я вижу ее лицо, искаженное криком.

С той стороны, с которой зашли мы ближайший двор был Велии. Подворье заметно выросло, дом был подновлен, даже дефицитные в этой части страны куры во дворе что-то там клевали.

– Велька! – во дворе задавала скоту еду старшая сестра Велии, которая увидев и узнав учителя обратила внимание и на нас. – Живая! Не уморил некромант! – осеклась, хитро глянув на учителя, и притворно стушевалась. – Звиняйте гаспаин некромант. – гнусовато проговорила она, изображая поклон. Тут перекосило уже Велию, как недавно меня, когда дух сменила тональность.

– Велия, ты можешь пообщаться с родственниками. – он повернулся к нам и глянул прямо на девушку.

Та кротко кивнула и направилась во двор. На лице учителя мелькнуло сочувствие. На короткий миг он показался обычным человеком, но быстро вернул лицу привычное скучающее выражение.

– Ученица, мы должны навеститься в дом Галары и сообщить о ее гибели. – проговорил учитель и пошел вперед, задавая темп.

Дом семьи Галары стоял дальше моего, так что мимо моего двора мы тоже прошли. Там во дворе сидела мама и вышивала широкий красный пояс. Сестру замуж выдают? Увидела нас и вышивание было позабыто, а женщина подскочила, закрывая руками рот.

– Ты тоже пообщаешься с родными, ученица. – осадил мой порыв перекинуться парой слов с матерью учитель. Я только виновато глянула на плачущую маму и последовала за учителем дальше.

В доме Галары нас встретил ее отец, который долго выкликал от соседей ее мать. Весь разговор вел Алаис сам, не предлагая мне вмешаться и что-то пояснить. Хотя так и я бы смогла: он был предельно честен и довольно жестокосерден, рассказывая о том, что Галара воспротивилась учению, возгордилась дарованной богиней силой и как именно поплатилась за это. Потом выдернул меня за локоть вперед и добавил ту часть, где за заступничество поплатилась я.

– Не может быть! – пролепетала мать девочки.

– Ты не посмел бы! – рявкнул его отец. – Она – некромант!

– Она была продана мне в учение. – недобро усмехнулся учитель.

Галара над плечом заткнулась. Сама. Впервые.

– Кровинушка моя. – причитала мать.

– Ты за все мне ответишь. – прорычал мужчина, закатывая рукава.

Как мало времени понадобилось столичному франту и его леди, чтобы ассимилироваться к глухой деревне. Никто толком не знал, почему эти двое покинули Урай, но почти сразу по приезду женщина потяжелела Галарой. Так вот, когда они приехали с ними никто знаясь не хотел, только после того, как она пошла в Школьную учительницей стали здороваться, а все потому что они говорили слишком сложно для местных. Теперь их речь от местного говора отличалась лишь грамотностью, но они тоже активно использовали просторечные обороты.

Когда мы начали заниматься с наставниками нам обоим стало часто прилетать по губам за грубые обороты и неправильное произнесение слов, так что за год и моя речь, и речь Велии очистились, стали мягче, что неизменно вызывало легкую полуулыбку учителя, если мы с ним о чем-то говорили.

– Ты продал мне свою дочь, лжец. – прямо над плечом мужчины возник проводничий, пока учитель жестко выговаривал набыченному мужику. – Не желаешь за это ответ держать?

Учитель крайне редко скатывался до наших с Велией выражений. Обычно, это сулило Велии скорое наказание, потому как именно с ней он так просторечные выражения цедил.

– Учитель, я прошу вас остановиться. – подала голос я с самым смиренным видом.

– В чем дело, ученица? – раздраженно бросил он.

К счастью, за годы совместной жизни он привык к тому что, если я подаю голос, когда меня не спрашивают, значит это что-то действительно важное.

– К нам присоединился проводничий. – ровно сообщила я. – Ваше решение слишком сильно повлияет на судьбу мужчины.

– Ишь как говорить выучилась! – взвился спасаемый от преждевременного отправления на грань мужик. – Малька, ты ль передо мной?!

Я все пыталась вспомнить как его зовут. С Галарой дружен из наших никто не был, так что и родителей ее никто не знал. Но ведь мы были знакомы, неужели я за почти пять лет я забыла эти имена?

– Мне прекратить вам помогать? – заломила бровь я. Долго-долго тренированный жест презрения, каким нас часто окатывала Кемма.

– Этот ирод нашу дочь уморил! – проорал он мне в лицо.

– Вы ее продали. – равнодушно напомнила я, на этот раз копируя манеру учителя. – Лален. – скомандовала я, проявляя метущуюся вокруг меня в бессильном молчании Галару.

Та, будто ждала, принялась вопить. Так горестно, что даже мне стало ее жалко, почти так же сильно, как тогда в чулане. Мужик упал на колени перед этой картиной, беспомощно глядя на плачущую тихо жену и равнодушного учителя. Я подошла к горящему отцу поближе.

– Ваша дочь была заносчивой и недальновидной, такой же как и вы, – проговорила ему в лицо, – и за это уже третий год отвечаю я. – отошла назад. – Кратен. – Галара снова скрылась, став слышимой и видимой только мне. – Слабосильному некроманту была оказана Ареадой великая честь стать хранителем ее традиции, но Галара предпочла пытаться сохранить свое призвание от магии. Учитель не предупреждал вас о том, что обратного пути для нее не будет? – холодно уточнила я.

– Говорил. – заикаясь кивнула женщина.

– Галару тоже предупреждали. Как и меня, и Велию. – сообщила им я. – Не устраивайте сцен, это излишне и никому не интересно.

– Теперь я понимаю, почему с нами никто знаясь не хотел. – злобно, но уже как-то без реальной ярости в глазах проговорил мужчина.

– Спасибо вам. – неожиданно поднялась женщина, чтобы поклониться учителю. – Вы сообщили нам и привели девочек повидать семью. Спасибо.

Проводничий от отца Галары исчез, издевательски полупоклонившись мне при этом. Недавно я стала видеть их не как сгусток черного дыма, а как тень в форме человека. Так вот, они регулярно жестикулируют.

– Идем, ученица. – бросил привычно учитель и вышел первым. – Ты позволила себе вольность. – напомнил он, пока мы шли к моему двору. – Я прошу тебе это, в качестве награды за спасенную сегодня жизнь.

Дома меня уже ждала семья в полном составе. Мать, отец, три сестры, жених одной из них и младенец в люльке.

Подворье было чисто выметено, в утнике крикали спешно загнанные утки, непонимающие, почему прервался выпас.

Я уже догадалась, зачем нас привел учитель. Чтобы вытравить все сожаление о доме, показывая какая огромная пропасть между нами и родными зияет теперь. Чтобы объяснить, что даже если мы сбежим и он нас отпустит, мы не сможем вернуться домой. Здесь больше нет для нас места, просто потому, что мы слишком хорошо образованы и привычка к комфорту глубоко въелась в наши головы.

Но заставить себя пройти мимо родного дома не смогла. Очень хотела в последний раз взглянуть на мать.

Все ждали меня за накрытым столом. Чем богаты, что называется: хлеб, творог, отварные утиные яйца. Ни мяса, ни соли. Значит не стали шиковать на оставленных деньгах.

– У тебя пол часа. – проронил учитель и вышел.

– Как же ты выросла, Маленька, – прошептала мать, возобновляя плач.

– Здравствуй, мама. – я опустила перед ней на колени, обняла ее за ноги, как когда я была совсем крошкой и прибегала жаловаться на вредную Вельку.

Целую жизнь назад эти люди были моей семьей. Сегодня учитель решил, что настало время попрощаться с ними.

Теплые мамины руки обвили мою спину, она даже всхлипывать перестала, оглаживая мою спину.

– А платье-то какое, – бесцеремонно дернула юбку самая старшая из моих сестер. – Небось при некроманте не сбиваешь руки.

– Заткнись. – беззлобно посоветовала ей средняя из сестер

– А у нас вот... – папа растеряно указал на люльку.

– Да, вам подарили новую жизнь. – улыбнулась им. – Сохраните ее.

– Мы стараемся. – неожиданно степенно проговорила младшая.

Вдруг комната потеряла краски. Осознанно входить в это состояние я так и не научилась, но иногда меня вот так выкидывало. Проводничих рядом видно не было, но они всегда бывали, когда я проваливалась в серую грань мира. Момент был разрушен, так что буркнув извинения я поднялась и вышла из дома.

Там нашла учителя, ждущего нас в начале улицы, старую бабку Миелью, заваливающуюся на бок, а душа ее уже покинула тело и теперь громко неразборчиво причитала.

– Миелья! – позвала я.

Обернулись все, кто был, но, главное, бабка меня увидела. Сразу замолчала, а я очень быстро побежала к ней, стараясь обогнать других

– Малька! – обрадовалась бабка. – Что ж это делается?!

– Миелья, ничего не бойтесь. – поспешила я утешить старуху, воздерживаясь, впрочем, от касаний, на которые так и нарывалась женщина. – Вы прожили более, чем достойный век и вашей душе пришла пора двигаться дальше.

– Да куда ж мне?! – всплеснула руками душа, но продолжить я ей не дала.

– Этот человек проводит вас к Ладонору, Миелья. – мягко проговорила я. – Просто не сопротивляйтесь.

– А что это у тебя? – кивнула на Галару бабка.

– Это вопящий дух. – честно ответила ей. – Однажды я не смогла помочь душе, теперь она ждет, пока я выучусь.

– Это если я с этим вот не пойду, я такой же стану? – теперь уже подозрительно уточнила собеседница.

– Такой же вряд ли, но неприкаянной бродить останетесь – это точно. – пожала плечами.

– Ладно. – решительно проговорила она и повернулась к проводничему.

Тот поклонился мне с идеально прямой спиной, а Миелье галантно предложил локоть. Та зардевшись приняла ее и посеменила по привычке мелко рядом с ним.

Мир вернул краски, стоило им с белой вспышкой исчезнуть через пару метров.

– Ушла? – уточнил учитель, стоящий рядом.

– Да. – выдохнула я и обратила внимание на порядочную толпу вокруг.

– Как же так? – причитали бабы, мужики сурово хмурились.

– Ты ей помогла да? – за мою руку уцепилась мама.

– Да, матушка. Миелья отправилась на грань. – сжала ее пальцы в ответ.

– И славно. – она прижалась лбом к моему плечу. – Иди, детка. Нечего тебе у нас делать теперь.

Мама была права, я это уже поняла. Говорила она, кстати, намного чище остальной семьи, просто я раньше внимания не обращала. С другой стороны, мама у нас долгое время была единственной, кто умеет читать.

– Обещай, что, когда пробьет твой час не будешь сопротивляться. – прошептала ей, потянувшись за объятьями. Мама молча кивнула и крепко прижала меня к себе.

– Прощай, – шепнула мне прямо в ухо.

Я отстранилась и подошла к уже выбравшемуся из толпы учителю.

– Ничего не забыла? – с заметной нотой презрения спросил он.

– Учитель, дайте белой серы, пожалуйста. – проговорила я то, что и без него знала. Просто нам с Велией на пятой ступени своя сера не положена. Тот довольно хмыкнул и протянул мешочек.

Протолкалась через толпу обратно, велела сделать шаг назад, конечно, никто не послушал. Я пожала плечами и обильно посыпала тело. Сама отошла и кое-кто, глядя на меня, тоже отстранился, и кинула в тело искру. Как и в том городке, ревущее пламя превратило тело в пепел за секунды.

После этого я подошла к учителю и сообщила ему, что готова. Тот кивнул и пошел туда, откуда явился к месту происшествия.

Я за ним. Все короткое время, когда мы шли, я ждала нелестных комментариев в свой адрес, но их не было. Пока мы ждали заплаканную Велию, учитель тоже молчал. Потом, опять же молча, но с аккомпанементом из всхлипов Веллии вернулись к месту, где мы вышли, вернулись домой и разошлись по комнатам. Долго предаваться печали мне не позволили – пришла наставница.

А следующим утром я нашла на стуле новое платье. Точную копию моего, но с шелковым подкладом. Я заслужила шестую ступень.

Глава 3. Ступени шестая и седьмая

Сегодня мне исполняется пятнадцать лет. Вот уже три с половиной года, как я ученица традиции шестой ступени. К моему обучению добавилась бытовая магия и алхимия, а все остальные дисциплины углубились.

Мы с Велией стали лучше владеть оружием, научились создавать множество ловушек, немного охотиться. Наставница учила меня шить, а Велию наставник – заготавливать продукты для длительного хранения.

Сложно взять и рассказать все, чему нас научили за эти несколько лет, но то, что мы стали намного совершеннее – чистая правда.

– Порой, ученики навсегда остаются на шестой ступени, ученица. – говорил мне учитель, после очередного ответа на мой единственный вопрос в день. – Помни об этом и пойми, кто ты есть.

Я слушала, кивала, но все равно не могла до конца осознать, чего он от меня хочет.

В последние полгода нас стали учить вести бой одновременно с несколькими противниками, организовывать союзников и искать цели в условиях боя или толпы.

Пока что учитель не говорил о финансовой стороне наших жизней. Он явно не бедствует, но не все же как та женщина шесть лет назад, завещают имущество мастерам. Хранители берутся и за частные заказы, просто есть ограничения. Это я в книге нашла. Что хранителям и мастерам позволено использовать знания для обогащения, но на этот мой вопрос учитель не ответил.

Галара продолжала существовать. Я нашла несколько ритуалов для ее изгнания, но на них мне не хватало сил, а учитель сказал, что это не то решение, которое я могу себе позволить и помогать не стал. Значит, есть какой-то не энергоемкий способ, просто я его пока не нашла. В наличии рядом вопящего духа я нашла даже своеобразный плюс: не так давно наставница научила меня обмениваться энергией с миром – отдавать и забирать. Так вот Галару можно было существенно приглушить если вытянуть из нее столько энергии, сколько я способна вместить. Использовать мертвую силу я не могла, она просто медленно выветривалась из моего тела, но, главное, что дух притихала, пока скапливала и перерабатывала магию из пространства.

Командные бои мне удавались много, лучше, чем Велии. Моему пониманию как-то легче давалось каким образом распределить союзников, чтобы остаться в дальнем бою или обвести противников вокруг пальца, чтобы быстро обезвредить лишних. Поиск цели в толпе давался непросто нам обеим, но мы справлялись. Почти всегда.

От наказаний болью и чуланом учитель давно отошел, отдавая предпочтение таким, которые заставляли нас чувствовать себя идиотками. Например, заставить искать сложное определение и объяснять его, если сморозила глупость во время ответов на вопросы. Определение всегда было связано или с глупостью, или с предметом обсуждения. Или самостоятельно изучать и проводить сложный ритуал.

Вопросы стали традицией: ежеутренне нам задавали по шесть вопросов, на которые мы должны были ответить быстро и подробно, а если ошибались – следовало наказание.

Мне, конечно, нравилось думать, что учитель нас страхует при исполнении наказаний, но прекрасно понимала – нет. Его целью не была штамповка хранителей. Традиции нужны лучшие из лучших. Если бы мы погибли все трое, он просто пошел бы за новыми учениками, ведомый знаками богини. На этот раз – мальчиками. И моими первыми учениками, если я когда-нибудь стану мастером, будут мальчики, так повелела богиня – чередовать один пол с другим.

Еще учитель стал приносить нам задания для ритуальной работы: упокоение духов, развешивание сущностей. Водил нас в леса и деревни, чтобы практикой научить нас проведению

упокаивающих ритуалов. Часто прямо посреди города раздраживал ту или иную нежить, чтобы заставить нас в боевой ситуации среагировать на них и провести ритуалы до того, как они успеют добраться до населения. Нам, слабым магам, не под силу без ритуала нежить упокаивать. Прирожденному некроманту Галаре, может и удавалось бы, но она не дожидая до этой части учения.

К тому же, учитель стал учить нас по одной. Даже во время тренировок разделял нас, иллюзорно, конечно, и тщательно следил, чтобы мы не пересекались.

Все эти годы проводничий неизменно следовал за Алаисом, изредка жестикулируя в мой адрес. Этот факт меня напрягал. Значит, что принятые разными людьми решения, имеющие отношение к учителю неизбежно ведут к его переходу на Путь. Неудобство причиняла неизвестность, неизбежно наступающая после скорой кончины мастера. Пойти в учение к другому я не могла, об этом многие книги писали, а кроме моего мастера переводить меня на новые ступени никто не может. Застрять в шестой я не хочу.

Сегодня после завтрака нас, как обычно, вывели на задний двор и привычно разделили.

– Найди цель, – проговорил учитель, – и не причиняй ей боли. Пришло ее время. Ты отличишь цель по ореолу.

Обыденно прозвенело пространство при создании иллюзий, и мы оказались на шумном рынке. Разумные толкались, торговались, кричали друг на друга. Где-то слева слышались звуки драки. Повернулась на звук и увидела ореол, мягко сияющий над головами более рослых посетителей рынка.

Стараясь не привлекать особенного внимания к себе, пошла в ту сторону. Приценилась к ярким бусам, заметила проводничего – при учителе, наверное. Они сквозь любые иллюзии просвечивают.

Скоро я подошла к источнику ореола. Велия. В последнее время иллюзий с ней почти не было.

Спустила из наручных ножен стилет, подошла поближе к цели и очень аккуратно, без спешки, ввела его в тело Велии, повреждая внутренние органы.

Иллюзия вокруг медленно начала истаять, но тело передо мной оставалось более, чем реальным. Потребовалось около двадцати минут, чтобы мы оказались на привычном заднем дворе, куда все дома родной деревни впритирку встанут. Рядом стоял учитель, а передо мной распласталась Велия, остекленевшим несколько секунд назад взглядом, всматриваясь в заполненное тяжелыми свинцовыми тучами небо.

Я неверяще смотрела на ученицу шестой ступени, которую только что убила собственноручно.

От проводничего при учителе отделился еще один, пониже, и подошел к телу Велии. Пропал он очень быстро – душа не сопротивлялась и отправилась на грань.

Учитель бросил на тело мешок с белой серой и ушел, не проронив ни слова. Я сожгла тело положенным способом и много часов просидела около исчезающего контура сгоревшего в белом пламени трупа.

Под вечер за мной пришла Кемма. Подняла меня силой подмышки и увела в мою комнату, где оставила кувшин воды и сдобу. Я поела, не чувствуя вкуса и уснула, не ощущая усталости, будто сознание просто отключилось. Опустошение было странным, аномальным. Будто до этого все эти убийства не были реальными, а вот сейчас стали.

Утром на стуле было шелковое платье. Седьмая ступень.

Учитель честно дал мне два дня, чтобы прийти в себя. В эти дни меня никто не трогал, хотя Кемма готовила то, что мне больше всего нравилось. Я сидела в своей комнате, слушала Галару и осознала. Все, чему меня учили все эти годы теперь представало в ином свете. До этого момента все казалось нереальным. Игрой, если угодно. А вот теперь я поняла: из меня готовили убийцу.

Ночами мне снились золотые глаза на размытом лице, заглядывающие в душу. Будто этот взгляд пытался угадать, как быстро моя душа все вспомнит и будет готова отправиться дальше.

Как ни странно, я не корила судьбу и богов за тот путь, который для меня избрали. Глубоко в душе я знала, что рано или поздно этот момент – первого убийства, настанет. Просто и помыслить не могла о том, что это будет Велия.

Ни чувства потери, ни стыда, ни боли. Сознание будто запустило переосмысление багажа знаний, чтобы принять новую действительность.

И не испытывать благодарности к учителю и Кемме я не могла. После визита домой я понимала, насколько совершеннее я стала их трудами.

Наставница больше ко мне не пришла. Ее рассказов не хватало, но попросить учителя ее вернуть я даже не подумала. Значит прошло наше с ней время, хотя меня уже начинала напрягать такая безусловная вера его суждениям.

Скоро учение возобновилось. Теперь Кемма учила меня обрабатывать стилеты и рассказывала обо всем, что с ними связано. Она объясняла сухо и емко, но к ней я уже привыкла и с удовольствием проводила с ней время.

– Нельзя дважды использовать один стил, ученица. – говорила она. – Никогда не забывай! Ты можешь использовать необработанный стил, ведь тебя отметила богиня, можешь стилем, подготовленным для зооморфа отпустить эльфа, но никогда не используй один дважды.

Да, стилеты оказались одноразовыми. Никогда не думала об этом, но ведь своим учебным я отпустила только одного реального человека, многие годы убивая иллюзии.

– А если я не отпускать пришла? – спросила однажды я. Кемма поджала губы, сурово глянула на меня.

– Ты всегда должна отпускать душу. – строго сказала женщина. – Никогда не неволь ее. Даже то, что при тебе вопящий дух, не очень хорошо, но это не твоя воля, а Алаиса – ему и двигаться с этим. Ты пока мала, запоминай. Алаиса его мастер не так учил, разрешал душу не отпустить. Так нельзя. Поняла?

Только молча кивнула. Потом подумала и спросила:

– А духи-наставники?

– С грани можно душу призвать и попросить помочь. – пожала плечами экономка. – Многие души по ней веками бродят, пытаясь все вспомнить. А ведь есть и проклятые, которых обрекают на вечные страдания в отсутствии настоящего движения и обмена знанием и энергией.

Учитель же стал брать меня с собой отпускать. С этих пор термин «убийство» стал неприемлемым.

– Зови вещи своими именами, ученица. – приговаривал учитель, стоило мне заговориться.

Он стал мягче со мной. Не то чтобы говорил на равных, но намного больше позволял мне в общении, легче относился к ошибкам и оговоркам.

Это ничего не поменяло в моем его восприятии: я все еще думала, что он всегда прав. Все еще не задавала вопросов лишний раз. Не влезала в его дела и споры. Просто теперь у меня был некий лимит доверия, который я не стремилась использовать, пытаясь понять, где грань моего слепого подчинения должна преломиться.

После того, как мне исполнилось шестнадцать, мне стали передавать некоторые заказы и даже делились оплатой за них. Матер был дорогим и востребованным специалистом, так что и моя доля всегда измерялась в золоте. Тратить их мне было негде, но я начала размышлять о том, что дальше.

Учитель рассказал, что с десятой ступени начинается полноценное хранительство. То есть я начну самостоятельный путь. Дальнейшие ступени отмечаются уже не платьями и присуждаются лично Ареадой. Те, кто не видит и тени проводничих, даже в сером мире, чаще всего, выше десятой ступени не поднимаются. Дальше их учить уже нечему. Кемма как-то сказала, что мое учение у мастера – самая простая часть моей жизни, ведь дальше учить будут судьбы и богиня, а их уроки сложнее понимать и трактовать.

Проводничий от учителя никуда не делся, но теперь я и в обычном спектре зрения видела его как в серой грани.

Очередной зимней ночью незадолго до излома года ко мне пришла Кемма. В сером платье тончайшей шерсти с красивой красочной вышивкой. Прошла по комнатке, села на свободный стул.

– Отпусти меня. – попросила она.

Такой тон был очень непривычным, раньше Кемма всегда только требовала. Я опешила.

– Я давно достигла девятнадцатой ступени, а ведь проводничих вижу только в серой грани мира. Мое тело старо, а душа ничего не вспомнила. Я хочу отправиться дальше. – пояснила просьбу женщина, снимая с головы чепец, обнажая полностью седые волосы. – Алаис не сможет, сколько бы он тебя не учил не привязываться, ко мне он привязан сильнее, чем к матери когда-то.

– Вы его мастер? – догадалась об очевидном я.

– И допустила множество ошибок. – утвердительно кивнула она. – Сделай это.

– А если и я к вам привязана? – попыталась оттянуть момент я.

– Значит буду жить, пока не вспомню. – равнодушно пожала плечами Кемма. – Уйду в свой тайный дом и дождусь, пока тело откажет.

– Я отпущу. – решительно поднялась с кровати, в которой только успела устроиться.

– Идем под луну. – улыбнулась она. – В моей комнате забереешь документы, стилы и все амулеты. – по дороге велела она. – Алаис будет проклинать тебя – не слушай. Ты мою волю выполняешь, так этому упряму и передай.

Во дворе Кемма с комфортом устроилась на траве, звонко хрустящей инеем, а я призвала в ножны стил. Этому приему меня Кемма и научила. Рука едва заметно дрогнула, но тут я увидела проводничего и уверенность пришла сама собой. Это решение души, раз здесь появилось создание Ареады, и я не вправе его оспаривать.

Ввела стил в под ухом, без капли боли и мучений умерщвляя тело. Душа тут же поднялась и двинулась за проводничим. Это был первый раз, когда я увидела как душа уходит, не переходя в серую грань.

Никакого опустошения или мучений, как и в случае с Велией. Сходила в дом за белой серой и уничтожила тело, отрезая душе обратный путь, уничтожила стил в специальном отсеке доменной печи, а после сразу пошла к себе. Спать.

Встала ни свет, ни заря и отправилась напрямик в комнату Кеммы. К счастью, за эти годы я облазила особняк вдоль и поперек, так что все комнаты знала как собственные руки.

Там нашлась подготовленная стопка документов, ларец с амулетами – каждый в своем полотняном мешочке и с подписью, и несколько больших кофров со стилами.

Среди документов нашлись на этот дом и еще несколько в разных концах страны, дарственные на все это богатство; учетные книги по этому особняку; целый том с подробным описанием магических систем, задействованных в доме и сшитая маленькая книжечка – рабочий дневник. Книги заклинаний и ритуалов не было – или спрятана, или уже передана Алаису.

На дне ларца с амулетами нашлись наручные ножны для стилей превосходного качества и браслет призыва к ним. Создать такой артефакт мало кому под силу – повезло. Перетащила все в свою комнатку и отправилась в сердце дома – на кухню.

Надо перепривязать артефакты на меня, чтобы готовка и другие постоянные процессы не прерывались со смертью старой хозяйки. За этим занятием меня и застал учитель, зашедший на кухню.

– А Кемма где? – удивился он.

До завтрака еще сорок минут, а вошел учитель так привычно, что создалось впечатление, будто это ежедневный ритуал.

– Я выполнила желание мастера Кеммы и отпустила ее. – ровно сообщила я. – Доброе утро, учитель.

– Что? – коротко переспросил он, а в комнате резко похолодало.

– Мастер Кемма хотела отправиться дальше, и я ее отпустила. – повторила для ошарашенного учителя.

Холод в комнате продолжал нарастать, глаза учителя сужаться. Я старательно сохраняла спокойствие. Он сам меня этому учил. Часто, родственники не в восторге от того, что душа пожелала расстаться с телом. «Хранителю ни один мирянин вреда не причинит, опасаясь гнева богини, но провоцировать дураков лишней раз не стоит», – говорил учитель. Тут, конечно, не тот случай, но... когда он нас с Великой посреди болота бросил – пережила, и побои переживу. Откуда я взяла уверенность, что просто убить меня и не дать душе уйти учитель не захочет, я не знаю. Однако уверенность присутствовала.

Когда тишина затянулась неприлично, я развернулась на выход из кухни, намереваясь посетить купальню – там тоже артефакты, нуждающиеся в повторной активации.

– Как ты посмела? – прошипел он мне в спину.

– Я ученица традиции Ареады седьмой ступени и вправе сама отпускать души, без ведома учителя или мастеров. – напомнила ему важную деталь я. – И я выполнила волю вашего мастера, учитель.

– Убирайся. – не хуже болотной гадюки шипел.

– Боюсь, это невозможно, учитель. – я старалась быть максимально монотонной.

– Она оставила тебе имущество. – тот понятиливо кивнул и, больше не проронив, ни слова вышел.

Да, есть такой обычай: если хранитель или мастер принимают решение двигаться дальше, то все его имущество остается тому, кто того отпустил. Да мне, еще даже не хранителю, могли ничего и не оставить, но на мое решение это не повлияло бы.

Точно в срок я посетила кухню, чтобы забрать подготовленный артефактами завтрак. Когда пришла в столовую, там никого не было. Но я честно сервировала на двоих, опустилась на стул и приступила к завтраку.

Закончила его, все убрала, вышла на задний двор. Там меня тоже никто не ждал, вопреки обыкновению. Стандартный комплекс утренних упражнений был мне прекрасно известен, так что я провела его сама, потом взялась за метательные ножи.

Закончила эти упражнения, посетила купальню, вернулась к себе.

Первая половина дня позади, от учителя после утренней стычки ни шороха. Окна моей комнаты выходили на парадные ворота. Только поэтому я увидела, как учитель выходит во двор с объемистой сумкой за спиной и покидает территорию особняка.

Сохранять спокойствие стало почти невозможно: учитель меня бросил. Оставил ученицу, лишая ее шанса на становление хранителем. Но бежать за ним я не стала. Мы в глухом лесу на юге страны и такое решение лишено смысла, с учетом того, что он, в отличие от меня, вполне способен строить переходы.

Вместо любых лишних телодвижений, взяла рабочий дневник Кеммы и открыла с начала.

«Сегодня я получила десятую ступень. Теперь я – хранитель и мне положен рабочий дневник.

Вчера ночью я отпустила моего учителя. Кто мог подумать, что именно эта душа должна стать терминальной на девятой ступени? Никто меня о таком не предупреждал, но и отказать мастеру Люверту я не могла. Тело его было старо и немощно и, несмотря на то, что душа мастера не вспомнила прошлых жизней, он принял решение, что Ладонор поможет ему. Так тому и быть.»

На миг стало интересно, рассказывала ли Кемма учителю что-то о своем ученичестве, но интерес пропал так же быстро, как и возник.

За чтением день пролетел, подкралась бескомпромиссная зимняя ночь. Спать я ложилась с тревожным чувством, от которого не смогла отделаться и наутро оно никуда не исчезло.

Пара дней прошли в тревоге и безвестности. Я тренировалась, изучала книги, ела, спала. Даже отправила учителю вестника с вопросом о дальнейшей судьбе его обязательств, но ответа, закономерно, не получила.

К обеду третьего дня Алаис вошел в столовую, где я ждала как раз собиралась приступить к еде. Стол был накрыт на две персоны, а учитель вел себя как ни в чем не бывало.

– Мы переезжаем. – сообщил он, когда первый голод был утолен.

– Прошу прощения? – ровным голосом переспросила я, хотя сердце тут же начало колотиться так сильно, будто решило остаться здесь и никуда не ехать, даже если ради этого придется вырваться из моей груди.

– Ты продолжишь учение в Каттернарме. – уточнил потрясающую новость он. – Можем жить в моем доме, можем в твоём. Мне все равно.

Каттернарм – третий по величине город на западе страны, считался светской столицей Соренара. Именно там плелись все интриги, давали лучшие балы, играли лучшие постановки и крайне редко удерживались хранители или мастера традиции, предпочитая чуть менее возвышенную и существенно более спокойную публику.

– Когда я должна быть готова? – не давая паузе неприлично затянуться уточнила я.

Едва уловимо расслабилось лицо учителя. Он, вероятно, опасался, что я перестану его воспринимать как раньше. Опасался не зря – я действительно не могла больше видеть в нем всемогущего и всезнающего учителя. Но он все же не был худшим из учителей и контролировать себя научил преотлично.

– Завтра в полдень я планировал быть на месте. – сообщил учитель. – Первое время точно будем жить в моем доме, как освоишься – решишь сама. – твердо кивнул принятому решению после паузы.

– Да, учитель. – склонила голову.

В какой-то мере я понимала его срыв после того, как я отпустила мастера Кемму. Тем самым я как бы показала, что он постепенно перестает быть нужным кому бы то ни было.

При том, что ни хранителям, ни мастерам не запрещается заводить семью, мало кто способен жить с убийцей, как бы мы сами не воспринимали традицию. Так что признание среди коллег и привязанность учеников может оказаться самым ценным, что есть у мастера, несмотря на материальные богатства.

Только от того, что я такая понимающая, вернуть отношение к учителю в прежнее русло не удавалось. Я все еще воспринимала его более умным и сильным, но вот авторитет его уже начал стремительное падение. И ответить себе на вопрос с чем это в большей степени связано – с тем, что не сумел выполнить волю мастера или с тем, как отреагировал на ее выполнение, я не могла.

Тем не менее, распоряжение было услышано и понято, так что я уже мысленно составляла список дел перед отбытием: все прибрать, законсервировать дом, возвести защиту и собрать сумку.

То, что я невежливо вышла из столовой и оставила Алаиса в одиночестве, пребывая в глубокой задумчивости, я поняла уже дойдя до прачечной.

Глава 4. Восьмая ступень

Дом учителя в Каттернарме был не сильно меньше лесного особняка, хотя это все же был именно городской дом. Резиденция если угодно. И мое серое шелковое платье, скрытое белой шубкой, было здесь простоватым. Комнату мне определили несопоставимо большую, чем была в особняке – не комната, а целые покои, с собственными удобствами и огромным платяным шкафом. В шкафу нашлась самая разнообразная одежда. И крой, и цветовые схемы могли бы поразить мое воображение восемь лет назад, но сейчас я отметила лишь то, что в каждом комплекте одежды был хотя бы один серый элемент. Так хранители выделяли себя из толпы: хоть что-нибудь видимое глазу должно быть серым. Мне всегда было интересно, относятся ли к этому мои серые всю жизнь волосы, за которые даже отец долгое время считал меня неродной (а может и до сих пор считает).

Я же после уже пройденного учения точно знала: серый цвет волос – просто признак отметки Ареады, зато другие признаки нашего родства, вроде ямочки на подбородке, оспорить было невозможно. Правда, ему бы я этого не доказала никогда.

Все помещения дома, которые я успела посетить были выполнены в бежево-зеленых теплых оттенках. Никогда бы не заподозрила у Алаиса любви к такому убранству, да и мы с ним смотрелись здесь чуждо.

Это отмечали и слуги, которых тут было трое: служанка, кухарка и слесарь, он же на все руки мастер. Из наличия в доме постоянных слуг сам собой формировался вывод о том, что он постоянно поддерживается готовым к приему жителей, хотя, как я поняла от Кеммы, почти все мастера не держали готовыми к проживанию больше одного дома – того, где жили сами.

Первая неделя прошла в знакомстве с домом и городом. Если в доме мне просто провела экскурсию служанка, то в город несколько раз вывез Алаис с тем, чтобы показать где какие заведения следует искать и куда идти, чтобы получить разного рода услуги или помощь. Он же показал мне наглядно порядок цен и проверил мое понимание целесообразности покупок, предоставив самой купить все необходимое для ужина, с учетом моих пожеланий. Судя по тому, что заново изучать экономику поместий меня не отправили, остался доволен.

К концу недели мне впору было на стену лезть, до того было скучно. В город ходить одной учитель запретил «до дальнейших распоряжений», в библиотеку допуска мне пока не дали, уборка и готовка прекрасно обходились без меня, и я больше мешала работницам, чем помогала, так что я просто без дела слонялась по дому и саду, пытаюсь отыскать себе занятие, которое займет меня на большее время, чем двухчасовая тренировка. В конечном итоге все мое время сводилось к оттачиванию навыка владения стилем и метанию ножей. Даже Галара, кажется, заскучала – вопила постоянно на одной ноте.

В очередной день после обеда учитель ушел по своим делам, а в дверь постучалась небольшого роста девушка, глухо закутанная в плащ. Если бы не выглядывающий нос розовой туфли, до последнего думала бы, что рослый пацан лет одиннадцати.

Открывшая дверь служанка позвала меня, а я, в свою очередь, пригласила ее в гостиную, где она все же скинула плащ, явив миру добротное платье пыльно-розового платья, светлые кудри и яркие зеленые глаза.

– В городе прошел слух, что к нам вернулся убийца. – ультимативно сообщила она, после положенных вежливых приветствий, ожидания чая, занятого обсуждением погоды, и осторожных переглядываний.

– Мастер традиции. – чинно поправила я.

Строго говоря, само по себе убийство не является ключевой частью традиции. Наставница вбивала это в мою голову почти все время: хранители и мастера – не убийцы. Их работа требует нарушать жизнеспособность физического тела, но не это самоцель. Да, работа не всегда

благородная и чистая, да, часто мы отпускаем на грань души, время которых еще не пришло. Но если мне повезло поймать благосклонный взгляд Ареады и я четко вижу проводничих, я лучше кого угодно должна понимать цели традиции. Ни ритуалы, ни мастерство пользования стилями, ни подвешенный язык не могут быть так важны как это понимание.

– Да как угодно. – фыркнула собеседница. – Мне нужны его услуги.

– Расскажите мне о деле, – предложила-попросила ее.

Меня оглядели с ног до головы еще раз, выхватив серые манжеты на платье.

– Мой батюшка задумал жениться. – несколько менее уверенно, чем раньше, проговорила она. Я молчала, ожидая продолжения. – Но моя бедная матушка уже четвертый год не может оправиться от родов моего седьмого брата. Сам мальчик уже бегают и говорит, а вот матушка будто никак свой путь не закончит. Я не хочу, чтобы она видела... – девушка замолчала.

– Вы – старшая дочь? – уточнила я, не до конца уверенная в своих выводах. Девушка только молча кивнула.

Судя по полученной информации, одежде и манерам – богатые купцы или ремесленники, точно не аристократы. У наших благородных родов такое количество детей не принято, больше трех считается моветоном. Раз отец семейства надумал жениться, значит хочет еще с пяток детей настрогать, но живая еще мать уже сделанных мешает. Не так уж и важно, что именно это за семья, на самом деле. То, что я приняла за уверенность, на деле оказалось последствием нервозности, которая все больше прорывается сквозь надетую маску пока я рассматриваю девушку. И цель-то вроде благородная: освободить мать после нескольких выматывающих лет от предательства собственным мужем, который и без того все соки выжал.

– Я заплачу сколько скажет убийца. – твердо произнесла заказчица, прерывая поток моих мыслей.

– Где искать вашу матушку? – вместо ответа спросила я.

С крайне удивленным видом, мне назвали адрес.

Я поднялась с места, гостя осталась сидеть растерянно хлопая глазами. В дверях показалась служанка, которую я жестом попросила обслужить гостью, а сама отправилась к себе.

Мне предстояло решение: рассказать обо всем Алаису и предоставить ему завершить заказ или сделать все самой. Судя по вводным, кроме моральных терзаний, никаких сложностей меня не ожидает, с одной стороны. С другой стороны, девушка предпочла нанять не обычного головореза-наемника, которых в изобилии трется в любой окраинной таверне, а настоящего профессионала, причем не какого-то, а отмеченного богиней. Строго говоря, я тоже отмечена богиней и по ее укладу могу действовать самостоятельно, даже не отчитываясь своему мастеру.

Вращала я эти мысли в голове так и эдак довольно долго, но прийти к однозначному решению так и не смогла. Тогда я выбрала довериться случаю: нашла монетку и подкинула. Конечно, она закатилась под кровать, пришлось лезть туда и аккуратно вытаскивать ее, чтобы случайно не перевернуть. Решка – сама, орел – учитель.

Когда монета была извлечена на свет, показался орел. Я расстроилась так сильно, что поняла: сама. Я настолько хотела выполнить этот заказ самостоятельно, что всю жизнь буду оглядываться на него, думая «а что если...». Галара, похоже, ничего не понимала, но мои эмоциональные качели ее раззадорили: вопль стал громче.

Время до вечера я провела за сборами и подготовкой. Алаис на ужин не явился, что лишь облегчило мне задачу.

Черный костюм из брюк, юбки в пол сверху и очень удобной куртки по фигуре красиво разбавлялся темно-серой рубашкой. На поясе покоился запасной стил, на руках браслеты с призывом. Волосы я забрала серой лентой, приготовила платок-капюшон, час которого настает ближе к дому заказчицы.

У слесаря нашлась свежая карта города – по ней я составила маршрут. Заготовила два мешочка серы, передумала много вариантов действий.

Наконец, сумерки сменились ночной мглой, в которую я выскользнула через окно. Покинуть территорию дома труда не составило. Уже свернув на соседнюю улицу, я притормозила, пережидая привыкание глаз к темноте.

Вообще Каттернам – крупный город. Здесь мне часто встречались проводничие. Некоторые из них неотступно следовали за своими подопечными, другие слонялись где-то неподалеку, весело мне подмигивая, когда понимали, что я их вижу. Оказалось, что даже темной ночью серые, будто выцветшая картинка, проводничие прекрасно видны. Их чуждость обычному материальному миру становилась заметной и понятной мне только сейчас. При дневном свете их «припыленность» казалось понятной – их ведь в физически здесь нет, просто мой дар их видеть и различать. А вот сейчас, в свете ночи, они были будто вырезанные бумажные человечки в полностью объемном и цветном мире.

Улицами, плотно застроенными домами, я прошла обходным путем к названному особняку. Дом моей заказчицы находился в ремесленном квартале, что облегчало работу: там шумно всегда.

Под очередную крошечную темную арку я заходила с открытым лицом и головой, а вышла из-под нее под плотным глухим капюшоном. Еще час кругов, путая самой себе следы, и я вышла у места назначения.

Большой двухэтажный каменный дом, не окруженный собственным забором, темной громадой навис надо мной. Я прошла вдоль фасада, рассматривая окна. Инструкция «второй этаж, пятое окно слева» перестала казаться внятной: на фасаде окон было по два. При дальнейшем осмотре выяснилось, что по левой стене дома (ну логично же, да?) окон оказалось три. То есть их было бы девять, но из них шесть были заложены камнем, не сказать, что особо аккуратно. Обход дома по периметру показал, что он существенно больше, чем представлялся. Сзади окон не было вообще, даже запланировано не было. И вот, когда я пришла на сторону, которая от фасада справа, я нашла ровненький ряд из девяти окон.

И даже винить заказчицу я не могла, честно говоря. Потому как сама – экстра-профессионал-хранитель – приняла такое объяснение.

Глубокой ночью в пятом окне мерцал свет. Не ярко горел, а именно мерцал, будто в комнате зажжены лишь пара свечей, никаких магических светильников. По стене на этой стороне дома вилась лоза, но именно вокруг нужного (гипотетически) окна лоза была полностью сухая – тронь и осыплется.

По камням кладки я без проблем добралась до подоконника. Едва тронула окно, оно открылось внутрь. Тихо скользнула внутрь и замерла.

В сравнительно небольшой комнате (в городском доме Алаиса, например, моя спальня больше) нашлись среднего размера кровать, тумба, шкаф и кресло. На тумбе горела свеча и курились душистые благовония. Из открытого сейчас окна шел более чем ощутимый поток ночного воздуха, хотя на улице не шелухнулось ни травинки.

На кровати, раскинувшись, лежала женщина. При пристальном рассмотрении оказалось, что она болезненно худая, волосы седые. На лицо – скелет, обтянутый пепельным пергаментом.

Уточнить, одарена ли магически семья мне мозгов не хватило, но пара простых заклинаний показали, что одарена и даже выше среднего. Тут в мою голову закрались сомнения в том, что заказ так уж прост.

Привычный укол боли при погружении в серую плоскость мира, и я вижу то, чего вообще не ожидала: от женщины тянется огромная «пуповина» энергетического канала, в мою ногу толщиной. Пройти вдоль этой связи было боязно, но страх я затолкала подальше, чтобы прийти в итоге к спальне самого младшего, седьмого, брата моей заказчицы.

Исполнять заказ сейчас было бы нарушением традиции. Повинуясь вбитым в голову правилам, я спешно покинула дом и вернулась к Алаису. Думать о том, заметил ли меня кто-нибудь, я себе запретила, как учила Кемма: «Даже если не по плану идет абсолютно все, делай вид, что так было задумано».

Утром перед завтраком я отправила заказчице вестника о необходимости встречи. Учитель к завтраку не вышел и его отсутствие начало немного смущать, хотя подумать об этом мне не дала примчавшаяся, едва приличия позволили, девушка.

Мы расположились там же, где вчера, также поздоровались и дождались чай, и, только служанка прикрыла за собой дверь, в меня вперились горящие страхом глаза.

– Вчера я наведалась в ваш дом, чтобы отпустить вашу матушку. – начала я, но тут же была прервана.

– Нанимала я не вас! – несколько истерично взвилась девушка.

– Я могу помочь вашей матушке жить. – веско бросила ей, проигнорировав выпад.

– Что? – сипло переспросила девушка.

– Ваш брат необычно крупный для четырехлетки, не находите? – светски осведомилась я.

– И умный тоже, – кивнула она.

– Предположительно, он так стремительно развивается потому что его канал питания от матери не разрушился во время родов. – сообщила ей главное. – Такое иногда бывает в магически одаренных семьях, как ваша.

– Но...

– Я не могу ответить, почему врачи не оборвали канал принудительно и вовремя или почему не диагностировали этого раньше. У меня на все ушло меньше минуты. Однако сейчас, когда прошло несколько лет, эта связь крепка настолько, что для разрыва требуются дополнительные манипуляции. Не самые простые и очень дорогие.

– Насколько? – потерянно осведомилась заказчица.

– Моя работа будет стоить столько, сколько вы будете готовы заплатить. А вот компоненты и материалы для ритуала около четырех тысяч золотом.

Не соврала ни словом: для проведения такого ритуала нужно много всего особенного, редкого и сложного в приготовлении. Если проигнорировать эти составляющие, последствия предсказать невозможно.

– Считаю нужным предупредить: мне сложно прогнозировать сколько времени потребуются вашему брату, чтобы прийти в норму после разрыва связи, но я совершенно уверена, что и он, и ваша матушка, в конце концов, восстановятся. – вмешалась в размышления девушки я. – Вам нужно принять решение: я могу отпустить вашу мать, тем самым непредсказуемо навредив вашему брату, или гарантированно сохранить жизни в подлунном мире обоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.